

МОНОЛОГ

Надо быть гражданином языка

Добавил 10.02.1995. - 9-15 февр. - с. 11

Вряд ли в нашей стране есть хотя бы один человек, не распевавший песни «И хорошее настроение не покинет больше вас!», «Это даже хорошо, что пока нам плохо!», не слышавший романса из кинофильма «Попрыгунья», не смотревший мультфильм «Опять двойка», фильм «Айболит-66», «Тайна Снежной королевы», не видевший в театре «Димку-невидимку», «Варшавский набат», «Верю в тебя» и многое другое из того, что принадлежит автору двадцати трех пьес, восьми киносценариев, двух поэтических сборников и множества песен Вадиму Коростылеву.

ОЙ ОТЕЦ был поручиком царской армии, перешедшим на сторону революции и ставшим командиром корпуса. Достигнув этого чина, он разуверился в перспективах советской власти и в тридцать пятом году вышел из партии. Жизнь свою он окончил дворником и ученым секретарем Российского библиографического общества, написал много исторических научных трудов. Когда я был совсем маленьким, мои родители ухаживали играть в преферанс и оставляли меня соседу. Сосед являлся инспектором оркестра в студии Завадского, он брал меня с собой на работу, где из оркестровой ямы я смотрел спектакли. И когда потом я встречался с Юрием Александровичем Завадским уже как драматург, он никак не мог понять, откуда я так хорошо знаю его постановки, которые по своему возрасту не мог видеть. Я учился в студии Станиславского, играл там Хлестакова в постановке Бориса Равенских, где пел романс «В крови горит огонь желаний». Потом учился в Литературном институте. В сорок пятом году мне стало скучно жить в Москве, я уехал в Арктику, работал начальником зимовки, после чего написал первую пьесу «За полярным кругом», главным героем которой был Георгий Седов.

В экспедиции я попал в аварию, мы упали на списанном бомбардировщике, который вел летчик Саша Тимлер, прошедший всю войну на штурмовике. Увешанный орденами, но уволенный после войны из армии за то, что оказался поволжским немцем. Семь дней мы провели в тундре, отапливаясь самолетным бензином. Вскрыв ящик с неприкосновенным запасом еды, обнаружили, что он набит деревянными брусками. Наше продовольствие состояло из двух канистр спирта для работы и нескольких банок сгущенки. Мы питались мороженым моего изобретения: на тазик снега размешивалась банка сгущенки. Нашли нас немцы. Об этом моя поэма «Семь дней».

На фронт я ушел еще до призыва с добровольческим комсомольским полком Краснопресненского района в конце июня сорок первого. Мы, мальчишки, только закончившие десятый класс, стояли под Смоленском против танков с одной винтовкой на тридцать шесть человек. Я уехал на войну в лыжном костюме и папиных старых сапогах, в которых он воевал в Гражданскую. Когда я был контужен, меня не брали в военный госпиталь, потому что я не был военнообязанным...

Судьба моих пьес складывалась и хорошо, и плохо. Театры брали их, а сверху их запрещали. В моей пьесе о декабристах «Бедные мальчики России» управление культуры сначала не устроило название, и я переименовал ее в «Через сто лет в березовой роще», затем был изъят последний акт, но даже в таком виде спектакль сняли во МХАТе с большим скандалом. Когда пьесу поставили в Рязанском театре, спектакль был закрыт, в театре была уволена вся труппа, включая главного режиссера, а также рязанский секретарь обкома по идеологии. После жаркой дискуссии в театре, на которой студенты, пытавшиеся поддержать спектакль, полемизируя с историками, получившими инструкцию от обкома, были отчислены из вузов.

Торгуясь с Министерством культуры, театр Вахтангова обязался поставить три советских пьесы за спектакль по моей пьесе «Шаги командора», но через сезон «Шаги командора» были сняты достаточно грубым образом, хотя публика ломилась на этот спектакль.

По пьесе «Бригантина» телеграммой иде-

логической комиссии были сняты семьдесят два премьерных спектакля от Москвы до Владивостока. В заключении идеологической комиссии мне инкриминировалась клевета на советскую действительность и бундовские настроения.

Книга моих пьес никогда бы не вышла, она годы лежала в издательстве «Искусство», но Шеварднадзе, поклонник моего тбилисского спектакля о Пиромани, привел на этот спектакль крупного партийного идеолога Шауро. После этого Шауро выступил на съезде грузинских писателей, цитируя мою пьесу, а приехав в Москву, потребовал, чтобы его ознакомили с моим творчеством. И книга вышла в рекордные сроки, чтобы лечь ему на стол. Она состояла из семи неразрешенных или снятых впоследствии пьес об интеллигенции разных эпох, противостоящей злу.

Однажды жена решила обклеить статьями, в которых меня ругали, стены сортира. Он был достаточно обширен, но даже при староарбатских пятиметровых потолках, все статьи не уместились.

Однажды на посиделках в Доме литераторов несколько секретарей Союза писателей пригласили меня за столик и начали жестко объяснять, что необходимо вступать в партию. Я понимал, что вступление в ряды КПСС изменит мою жизнь в лучшую сторону, но мне не хотелось менять ее в лучшую сторону таким способом.

Расстроенный этой дискуссией, я вернулся к столику, за которым сидела моя жена, и поделился с ней. Неловко думая, она направилась к секретарям и сказала, что если они еще раз предложат мне что-нибудь подобное, то она повесится и в посмертной записке объявит их виновными. Вопрос был закрыт. Моя жена актриса, дочка Аветиса Султан-Заде, секретаря Иранской компартии, члена исполнительного комитета Коминтерна и помощника Ленина по восточным вопросам, расстрелянного в тридцать седьмом году. У нее свои счеты с этой партией.

Я раздражал, меня запрещали, громили в прессе, но все равно много ставили, потому что огромный театральный мир довольно трудно проконтролировать. В моих спектаклях и фильмах играли практически все отечественные звезды: Кторов, Миронова, Менакер, Юрский, Ефремов, Яковлев, Борисова, Лановой, Малавина, Фрейндлих, Стрельчик, Людмила Макарова, Шарко, Ролан Быков, Лавров, Этуш, Табаков и другие.

Сегодня по моему сценарию снят фильм «Грибоедовский вальс». Это одна из самых грустных историй в моей жизни. Получив заверения о бережном обращении с моим текстом, я подписал договор, сразу после глазной операции, с еще не снятыми швами, будучи не в состоянии прочитать его. Фильм сняла режиссер Тамара Павлюченко, с которой мы уже делали картину «Человек из страны Грин». «Грибоедовский вальс» должен выйти на телевизионный экран, но вся информация, которую я о нем получил, это режиссерская разработка сценария, способная дискредитировать меня и моего героя перед многомиллионной аудиторией. Это профанация образа Грибоедова, подписанная моим именем. Мой Грибоедов разрушен в угоду тому, что режиссер захотел увидеть в зрителе только Леню Голубкова и рассказать ему про любовь преуспевающего чиновника с грузинской красавицей.

Я жил в годы жесточайшей цензуры, но нынешняя цензура, цензура спроса малокультурного зрителя, кажется мне не менее отвратительной, чем цензура идеологическая. Мы учились обходить политическую цензуру, но цензуру спроса обойти труднее, потому что она разрушает саму логику искусства. В той цензуре было ясно, где враг, как обойти его, а здесь в роли врага — низкий уровень зрителя, поощряемый творцами, забывшими об этической ответственности.

В целом я далек от пессимистического прогноза. Вся эта пена схлынет. Российская интеллигенция возродится и возродит свои традиции. К нам вернется истинный русский язык, а не тот, которым сегодня обращаются с думских трибун и экранов телевизоров. Все время говорится о том, что надо быть гражданином страны, а надо быть гражданином языка, потому что безъязыкая страна не может вернуться к собственной культуре.

Записала Мария АРБАТОВА